

Секция «Иностранные языки и регионоведение»

Идея когнитивного блокирования на основе референциальной иллюзии квазисинонимичных абстрактных имён.

Джабер Милана Хассановна

Студент

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет иностранных языков и регионоведения, Москва, Россия

E-mail: nicta@list.ru

Данная статья – результат попытки узнать, возможно ли существование определённого класса понятий-блокаторов, и вписались ли бы они в современную научную парадигму. В основе исследования лежит предположение о существовании обособленного класса понятий, вербализированных так, что они в ответ на стимул блокируют доступ к реальному (словарному) значению слова и заменяют его искажённым.

Объектом работы являются абстрактные понятия и термины, характеризующие окружающее пространство (например, пара квазисинонимов: вечность – бесконечность), охватывающие не только целенаправленное, теоретическое познание, но и обыденное восприятие мира, т.е. каждодневное приобретение опыта в повседневном взаимодействии человека с окружающим миром. Например, *бесконечность* как элемент понятийной системы признано естественной наукой, а также представляет собой целое хранилище художественных образов. Бесконечность – удивительное явление с лингвистической точки зрения: это абстрактное многозначное (причём некоторые из его значений терминологические) слово с двойной референцией, т.к., будучи производным, соотносится как с предметами реального мира, так и с мотивирующими их словами.

Каждое слово представляет собой скрытое обобщение, отражающее действительность совершенно иначе, чем она отражается в непосредственных ощущениях и восприятиях (в основе – различие перцепта и концепта). Взаимодействуя между собой, они дают человеку представление о внешнем мире и обуславливают его суждения и поведение. Так, проблема отражения мира внешнего и мира внутреннего не ограничивается исключительно семантико-синтаксическим уровнем языковых знаков, уходя корнями в смысловое содержание человеческой психики, за счёт функционирования которой проекции внутреннего духовного мира на видимый внешний мир выразились в абстрактные понятия типа «любовь», «долг», «радость», «смелость» и многие другие.

Знания подобных понятий не было заложено у нас изначально, наоборот, всю первую часть нашей жизни мы только учимся понимать разницу между различными переживаниями и образами. В среднем, у человека к определённому возрасту складываются некоторый каркас представлений, что подтверждают слова Э. Бенвениста о том, что «в сознании нет пустых форм, как нет и не получивших названия понятий». Однако формирование понятий и познание предмета могут различаться, т.к. зачастую человек не познаёт явление, а согласовывает его с внешней средой. У. Матурана называет это «операционально замкнутым структурным сопряжением в когнитивных взаимодействиях». Это не значит, что процесс познания не идёт, это значит, что он многоплановый, и семантический уровень лежит гораздо выше, чем когнитивный, но, тем не менее, они тесно связаны, что обязательно надо учитывать. Достаточно наглядно описывает эту связь Ф.И. Буслаев: "Всякий предмет существует для человека только тогда, когда он

им осознается, когда входит в его мысль и выражается словом. Мысль есть основная сущность вещи".

Проблема отражения в языковых знаках мира внешнего (среда) и внутреннего («Я-пространство») до сих пор фундаментальная проблема философии, которой в России занимались многие учёные, например, А.Ф. Лосев, С.С. Аверинцев, Дж. Лакофф и другие. В 1960-е и 1970-е годы сознание рассматривавшие как своеобразную помеху складывающейся целостной картины «физического мира». Ответной реакцией становится движение аналитиков к исследованию уникального феномена человеческой субъективности, которое перенесло центр тяжести исследований с формальных, глубинных структур языка (линия Фреге, Рассела и раннего Витгенштейна) в область межличностной коммуникации, одним из лидеров которого является американский учёный Дж. Сёрл. Онтология сознания, по Сёрлу, это онтология от первого лица, т.е. ментальные состояния существуют только как субъективные феномены от первого лица.

Вопрос соотношения реальности и её описания с точки зрения контекста был освещён в работе Ролана Барта «Эффект реальности». Автор говорит об описании окружающей действительности (на примере описания Руана), лишенном какой-либо целенаправленности в плане поступков или в плане коммуникации, причём, правдоподобие здесь имеет не референциальный, а открыто дискурсивный характер. В литературе воспринимаемый образ референта изменяется за счёт такого художественного средства как фантазм, и вымышленное повествование строится согласно умопостигаемости. Так, "реальность" оказывает весьма незначительное сопротивление структуре, и в результате прослеживаются соответствия не предмету, а правилам изображения, принятым автором текста (письменного или устного) или же характерным для его культуры.

Однако данное явление характерно не только для литературы, речь идёт о восприятии в целом. Наглядным примером этому является история о том, как американские индейцы впервые увидели европейские корабли. Считается, что вместо кораблей они увидели облака странной формы, низко стелящиеся по воде, что неудивительно, ведь мозг заменил одну картинку, новую, пугающую, на другую, знакомую. Если мы рассмотрим понятие корабль в данном примере, мы увидим, что в данном случае у знака нет означаемого, но есть означающее, т.е. форма, которую процессы мышления искали до того состояния, чтобы она обрела некоторое знакомое означаемое, пусть и не соответствующее данному знаку. С семиотической точки зрения "конкретная деталь" возникает при прямой смычке референта с означающим: из знака исключается означаемое, следовательно, и возможность разрабатывать форму означаемого, т.е. повествовательную структуру. Подобный эффект можно назвать референциальной иллюзией: в отсутствии означаемого, поглощённого референтом, прослеживается тенденция к расщеплению знака, возникает эффект реальности и вместе с ним ощущение реалистичности за счёт скрытого правдоподобия. Таким образом, реальность, будучи «изгнана» из реалистического высказывания как денотативное означаемое, входит в него уже как означаемое коннотативное, фактически подтверждая идеи Сёрла о важности субъективности и влиянии внутренних абстракций на формирование образов внешних явлений.

Субъективные отношения наблюдателя и предмета могут быть различными. Согласно В.В. Тарасенко можно выделить три основных состояния наблюдателя: семантическое (предмет понимаем наблюдателем), синтаксическое (предмет обозначаем знаками

или словами языка) и прагматическое (предмет используем наблюдателем в его деятельности). Предположим, что предмет не известен наблюдателю, но из этого не следует, что отношения между ними невозможно. Это значит, что процесс познания будет идти в соответствии с уже имеющейся у человека информацией, а также представлять собой манипулирование уже имеющимися значениями.

Таким образом, семантическая диффузность слова, его фактическая полисемия, эффекты нейтрализации значений, особенности взаимодействия некоторых предикатов с отрицанием получают естественное объяснение, если считать, что лингвистическое значение – лишь верхушка айсберга структур знаний. К примеру, диффузность границ между значениями слов определяет агнонимия, свойство понятия, при котором оно само не определимо до конца, но, как пишет Витгенштейн, «объем понятия не заключен в какие-то границы», нет факторов, мешающих пользоваться самим словом.

Судить же о степени содержательной близости между синонимами можно на основе результатов ассоциативного исследования ряда понятий для определения степени близости между словами, их вербализирующими, и отслеживания семантических связей между словами. Ещё одна причина использования данного метода – возможность интерпретации ассоциатов как языковых средств объективации когнитивных признаков слова-стимула, позволяющая индивидуальный образ одного понятия влияет на значение и оценку схожих с ним других понятий.

В наши дни для моделирования многих особенностей функционирования значения слова и предложения стал использоваться аппарат фреймов и сценариев. А.Н. Баранов пишет, что обращение к когнитивным категориям позволяет поставить традиционные проблемы семантики в совершенно другой теоретический контекст. В качестве примера возьмём явления квазисинонимии и полисемии, которые актуальны для нашего исследования. Например, в зависимости от того, близки ли слова по значению одному или нескольким фреймам выделяют однофреймовую и межфреймовую квазисинонимии.

По аналогии, которую приводит А.Н. Баранов (страна vs государство) слова вечность и бесконечность могут служить примером межфреймовой квазисинонимии (хотя в некоторых словарях вечность и бесконечность являются синонимами). Так, вечность является воплощением фрейма ВРЕМЯ, а бесконечность – фрейма ПРОСТРАНСТВО. Именно поэтому можно обнаружить довольно много контекстов, в которых их взаимозамена просто невозможна, ср. «отойти в вечность» и «отойти в бесконечность», «вечная память» и «бесконечная память» и другие. Интересно то, что в самом первом случае глагол отойти с предлогом явно актуализует идею пространства (отойти куда?), чуждую семантике слова вечность, которое словарю-справочнику русской фразеологии Р.И. Яранцева является устойчивым выражением.

Тем не менее, наличие диффузии смыслов между двумя фреймами в эксперименте было наглядно продемонстрировано испытуемыми за счёт путаницы в условиях квазисинонимии: многие из тех, кто разделял значения слов *бесконечность* и *вечность*, приписывали временные характеристики пространственному фрейму и наоборот.

В ходе эксперимента выяснилось, что именно благодаря исследуемым лексическим свойствам включается эмоциональный компонент, влияющий на адекватность человеческого восприятия реальной ситуации. То есть в результате изменяется восприятие слова человеком, появляется эмоциональный компонент, влекущий за собой реакцию и эффект искажения смысла.

На основе фундаментального знания о мышлении человека и проведённого исследования можно сделать вывод, что блокаторы допустимы в рамках научной парадигмы. Определённые особенности восприятия могли сформироваться гораздо раньше, чем реальный раздражитель появился в нашей жизни. Так, в реальности мы можем и не встретить определённого раздражителя, но ассоциативно проецируя те или иные детали реальности на своё понимание мира, мы подсознательно отказываемся от тех или иных способов трактовки, удовлетворяясь ограниченным количеством значений для того или иного явления. Так, блокаторы только искажают образ нового в призме старого за счёт того, что порождают большое количество референтных (семантических) петель, которые при этом отсылают нас не к реальному прототипу, а к крайне субъективному вымышленному; замысловатость же внутренних процессов в знаке только способствуют искажениям.

Литература

1. Авксентьева А.Г. Синонимия и квазисинонимия существительных в анатомической терминологии [Электронный ресурс] // Международная научно-практическая конференция "Личность-слово-социум" URL: <http://www.pws-conf.ru/nauchnaya/lss-2009/143-lingvist-paradigma/7183-sinonimiya-i-kvazisinonim.html> (дата обращения: 15.10.2012).
2. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. Изд. 3-е. - М.: ЛКИ, 2007.
3. Барт Р. [Bart R.] Эффект реальности. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. - М.: Прогресс; Универс, 1994. С. 392-400
4. Вахштайн В. «Практика» vs. «фрейм»: альтернативные проекты исследования повседневного мира. // Социологическое обозрение Том 7. № 1. 2008 URL: <http://www.hse.ru/data/2012/09/26/1245227378/%E2%84%96230.pdf>
5. Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. - М.: Лабиринт, 1999.
6. Витгенштейн Л. Философские исследования. URL: http://read.newlibrary.ru/read/vitgenshtein_1_/filosofskie_issledovaniya.html
7. Голев Н.Д. Опыты ассоциативного измерения содержательного расстояния между словами и словоформами на концептном уровне. Статья 1 // Картина мира: язык, литература, культура : сборник научных статей / отв. ред. М.Г. Шкуропацкая. Бийск, 2006. Вып. 2. С. 286–292. URL: <http://nooteka.totalh.com/Nooteka/normdoc/ndgolev.html>
8. Джеймс У., Рассел Б. [James W., Russell B.] Введение в философию / У. Джеймс. Проблемы философии / Б.Рассел: Пер. с англ. / Общ. ред. , послесл. и примеч. А. Ф. Грязнова. — М.: Республика, 2000. — 314 с.
9. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебник. Изд. 5-е, испр. и доп. - М.: Либроком, 2012.
10. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. - М.: Флинта; Наука, 2008.

11. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1995. С. 95—142
12. Попова З.Д. Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат / З.Д. Попова, И.А. Стернин // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж: Изд-во Воронеж, гос. ун-та, 2002.
13. Серл Дж. Р.[Searle J.]Открывая сознание заново. Перевод с англ. А. Ф. Грязнова. - М.: Идея-Пресс, 2002. — 256 с.
14. Серл Дж. Р.[Searle J.] Что такое речевой акт?; Косвенные речевые акты; Классификация речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986
15. Солсо Р. Когнитивная психология — 6-е изд. — СПб.: Питер, 2006. — 589 с: ил
16. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика / А.В. Рудакова. – Воронеж: «Истоки», 2004. – 80 с.
17. Тарасенко В.В. Фрактальная семиотика: «слепые пятная», перипетии и узнавания. – М.: Либроком, 2012.
18. Холмогорова А.Б. Страх смерти: культуральные источники и способы психологической работы // Московский психотерапевтический журнал, 2003, No. 2.
19. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М.: Либроком, 2009.
20. Русская фразеология. Словарь-справочник: Ок. 1500 фразеологизмов. / Под ред. Р.И, Яранцева – М.: Рус. яз., 1998.
21. Новая философская энциклопедия / Под ред. В.С. Стёлина: 4 т. - М.: Мысль, 2001.
22. Философский словарь. Под ред. И. Т. Фролова. 4-е изд. — М.: Политиздат, 1981. — 445 с.
23. Интернет-ресурс «Мир словарей»: <http://mirslovari.com>